

Въ составъ настоящаго собранія сочиненій Николая Ивановича Пирогова входятъ только тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ, по преимуществу, общественное значеніе и представляютъ всеобщій интересъ.

Второй томъ занятъ весь „Дневникомъ стараго врача, писаннымъ—по словамъ покойнаго автора—исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что, можетъ быть, когда-нибудь прочтетъ и кто другой“. Можно думать, что этотъ послѣдній трудъ покойнаго въ его мысляхъ связывался съ однимъ изъ первыхъ его общественно-литературныхъ произведеній конца 50-хъ годовъ, такъ какъ онъ своему „Дневнику“ далъ еще другое заглавіе, подъ которымъ онъ, лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, писалъ свои философскіе этюды, а именно, „Вопросы жизни“. Но въ „Дневникѣ врача“, сверхъ тѣхъ философскихъ и общественныхъ, значительная его часть посвящена автобіографіи и соприкасавшейся съ нею исторіи времени автора. Дневникъ веденъ въ самые послѣдніе годы жизни—отъ 5-го ноября 1879 г. до 22-го октября 1881 г.;—послѣднія страницы, писанныя

почти наканунѣ смерти, носятъ въ рукописи всѣ признаки тѣхъ предсмертныхъ страданій, которыми заключилась тяжкая болѣзнь Николая Ивановича: строчки идутъ неровно, слова не всегда дописаны, и мѣстами рукопись разбирается съ трудомъ. Относясь, по описываемому въ немъ времени, ко всей эпохѣ жизни автора, дневникъ начинается потому воспоминаніями о его дѣтствѣ и школѣ, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, и заключается началомъ сороковыхъ годовъ, когда только-что открылась дѣятельность Николая Ивановича въ Петербургѣ; послѣдняя фраза дневника осталась даже недописанною.

Въ 1884 г. копія „Дневника“, вмѣстѣ съ подлинникомъ, была доставлена вдовою, Александрой Антоновой Пироговой, и сыновьями покойнаго въ редакцію „Русской Старины“, гдѣ и была напечатана въ первый разъ съ нѣкоторыми выпусками, указанными издателемъ журнала. Настоящее изданіе сдѣлано по печатному тексту, но при этомъ былъ принятъ въ соображеніе и оригиналь, вслѣдствіе чего „Дневникъ“ снова получилъ ту внѣшнюю форму,

какую онъ имѣлъ въ рукописи, а именно, онъ не дѣлится ни на части, ни на главы, какъ то было сдѣлано редакціею въ журнальномъ изданіи, и въ отношеніи содержанія нѣсколько дополненъ. Изъ того же журнальнаго изданія заимствованъ одинъ изъ портретовъ Николая Ивановича и два вида, помѣщаемые во второмъ томѣ.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

ДНЕВНИКЪ СТАРАГО ВРАЧА,

писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли,
что, можетъ быть, когда-нибудь прочтеть и кто другой.

5 НОЯБРЯ 1879 — 22 ОКТЯБРЯ 1881.

5 ноября 1879.

Отчего такъ мало автобіографій? Отчего къ нимъ недо-
вѣріе?—Вѣрно, всѣ согласятся со мною, что нѣтъ предмета
болѣе достойнаго вниманія, какъ знакомство съ внутреннимъ
бытомъ каждаго мыслящаго человѣка, даже и ничѣмъ не от-
личавшагося на общественномъ поприщѣ.

Какой глубокой интересъ заключается для каждаго изъ насъ
въ сравненіи собственнаго міровоззрѣнія съ взглядами, руково-
дившими другого, намъ подобнаго, на пути жизни. Этого, ко-
нечно, никто и не отвергаетъ; но издавна принято узнавать о
другихъ чрезъ другихъ. Вѣрится болѣе тому, что говорятъ о
какой-либо личности другіе или ея собственныя дѣйствія. И
это юридически вѣрно. Для обнаруженія юридической, т.-е.
внѣшней, правды—и нѣтъ иного средства. И современный
врачъ при діагнозѣ руководствуется не разказами больного, а
объективными признаками, тѣмъ, что самъ видитъ, слышитъ и
осязаетъ.

Да кромѣ недовѣрія къ автобіографіямъ, есть, я думаю, и
другія причины, почему онѣ мало въ ходу. Мало охотниковъ
писать свои автобіографіи. Однимъ цѣлую жизнь некогда; дру-
гимъ вовсе не интересно, а иногда и зазорно оглядѣться на
свою жизнь, не хочется вспомнить прошлаго; иные—и изъ са-
мыхъ мыслящихъ—полагаютъ, что, послѣ изданныхъ ими тво-
реній, имъ писать о себѣ болѣе не нужно; есть и такіе, ко-
торымъ дѣйствительно писать о себѣ нечего: все будетъ пе-
редано другими; наконецъ, многихъ удерживаетъ страхъ и раз-
наго рода соображенія. Разумѣется, въ наше скептическое
время довѣріе къ открытой исповѣди еще болѣе утратилось,
чѣмъ во времена Ж.-Ж. Руссо. Съ недовѣрчивою улыбкою
читаются теперь его смѣлыя слова (которыми я нѣкогда вос-

хищался): „Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra, je viendrai, ce livre à la main, devant le Souverain-Juge, et je dirai: voilà ce que je fais, ce que je fus, ce que je pensais“. Но автобіографіи въ наше время и нѣтъ надобности быть исповѣдью предъ Верховнымъ Судьею; а Ему, Всеѣдущему, нѣтъ надобности въ нашей исповѣди. Современная автобіографія не должна быть однако же чѣмъ-то въ родѣ юридическаго акта, писаннаго въ защиту или обвиненіе самого себя предъ судомъ общественнымъ. Не одна внѣшняя правда, а раскрытіе правды внутренней предъ самимъ собою—и вовсе не съ цѣлью оправдать или осудить себя—должно быть назначеніемъ автобіографіи мыслящаго человѣка. Онъ не посторонняго читателя, а прежде всего—собственное сознание долженъ ознакомить съ самимъ собою; это значитъ,—автобіографъ долженъ уяснить себѣ разборомъ своихъ дѣйствій ихъ мотивы и цѣли, иногда глубоко скрываемыя въ тайникѣ души и долго непонятныя не только для другихъ, но и для самого себя.

Но вотъ вопросъ: можетъ ли автобіографъ говорить правду о своихъ, для него прошлыхъ, мотивахъ? Можетъ ли онъ справедливо оцѣнить, что руководило нѣкогда его дѣйствіями? Можетъ ли онъ навѣрное сказать, что его міровоззрѣніе было именно такое, какъ онъ пишетъ, а не другое, въ данную минуту его бытія?

Я полагаю, что эти вопросы рѣшаются различно, смотря по характеру, способностямъ и вообще смотря по индивидуальности писателя. Для увѣреннаго въ себѣ безъ тщеславія существуетъ и непоколебимая увѣренность, что именно такое, какъ онъ пишетъ, а не иное было его воззрѣніе, когда онъ совершалъ то или другое дѣло. Если же я самъ увѣренъ, что онъ говоритъ правду безъ притворства, то больше отъ человѣка нельзя и требовать. Неужели же тотъ, кто хочетъ знать мотивы моихъ дѣйствій и мое міровоззрѣніе того времени, когда я дѣйствовалъ, повѣритъ болѣе другимъ или самому себѣ, нежели мнѣ? Онъ, или кто другой, можетъ судить о внутреннемъ механизмѣ моихъ дѣлъ только по этимъ же самымъ дѣламъ или по свидѣтельствамъ постороннихъ мнѣ лицъ; а сужденія по нашимъ дѣламъ и постороннимъ свидѣтельствамъ о скры-

томъ внутреннемъ механизмѣ дѣлъ требуютъ извѣстной соотвѣтственности и не признаютъ противорѣчій, хотя всякій изъ насъ знаетъ по опыту, что наши дѣйствія зачастую противорѣчатъ нашимъ собственнымъ міровоззрѣніямъ, вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Весьма часто также случается, что наши грандіозныя дѣла вызываются на свѣтъ весьма слабыми мотивами, и наоборотъ; поэтому и соотвѣтственность не можетъ еще быть порукою за внутреннюю правду.

Критическій анализъ собственныхъ дѣйствій и ихъ мотивовъ, столь трудный для насъ самихъ, неужели доступнѣе для другихъ, вовсе незнакомыхъ съ нашимъ внутреннимъ бытомъ?

Правда, иногда посторонній намъ сердецвѣдъ вѣрнѣе насъ самихъ можетъ угадать, почему мы въ данномъ случаѣ поступили такъ или иначе; правда, что мы не судьи самимъ себѣ; но открыть невѣдомый для насъ самихъ мотивъ нашего дѣйствія можно только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, когда мы сами скрытничаемъ или притворяемся предъ нашимъ собственнымъ я; во-вторыхъ, когда мы сдѣлали что-либо въ минуту забвенія или увлеченія, не справившись, что дѣлалось въ эту минуту внутри насъ, не заглянувъ въ себя. Если же принципъ: никто не можетъ быть собственнымъ судьей—и вѣренъ, то онъ относится только до правды внѣшней,—юридической; судебный слѣдователь и прокуроръ, конечно, могутъ изобличить притворщика и лгуна легче, чѣмъ это сдѣлалъ бы онъ самъ. Но для внутренней правды нѣтъ другихъ болѣе вѣрныхъ и компетентныхъ судей, чѣмъ мы сами, когда мы не притворщики и не лгуны. Все, слѣдовательно, сводится на то, кто такой тотъ, кто обнаруживаетъ свой внутренній бытъ; сужденіе объ этомъ, по малой мѣрѣ, такъ же трудно, какъ и сужденіе о постороннихъ лицахъ, взявшихъ на себя обязанность обнаружить внутреннюю сторону какого-либо дѣятеля. Даже и тогда, если онъ завѣдомо былъ иногда лгуномъ и притворщикомъ, еще не доказано, что онъ былъ всегда такимъ. Есть случаи въ нашей богатой противорѣчіями жизни, что именно лгунъ и притворщикъ, въ извѣстные моменты бытія, дѣлается болѣе способнымъ сказать о себѣ слово правды, чѣмъ другіе, знавшіе его только извнѣ. Въ этомъ не болѣе противорѣчія, какъ и въ томъ, что подлецъ иногда способенъ бываетъ на честнѣйшее

дѣло, а честнѣйшій человѣкъ дѣлаетъ иногда крупную подлость.

Для кого и для чего пишу я все это?

По совѣсти—въ эту минуту только для самого себя, изъ какой-то внутренней потребности, хотя и безъ намѣренія скрывать то, что пишу, отъ другихъ. Пришедъ на мысль писать о себѣ для себя и рѣшившись не издавать въ свѣтъ о себѣ ничего при моей жизни, я не прочь, чтобы мои записки обо мнѣ читались, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и другими. Это—говорю положа руку на сердце—вовсе не потому, чтобы я боялся при жизни быть критикованнымъ, осмѣяннымъ или вовсе нечитаннымъ. Хотя я не мало самолюбивъ и небезразлично отношусь къ похвалѣ, но самое самолюбіе все-таки болѣе внутреннее, чѣмъ внѣшнее. Притомъ я—эгоистическій самоѣдъ, и потому опасуюсь самого себя, чтобы описаніе моего внутренняго быта во всеуслышаніе не было принято мною самимъ за тщеславіе, желаніе рисоваться и оригинальничать, а все это, въ свою очередь, не повредило бы внутренней правдѣ, которую я желалъ бы сохранить въ наичистѣйшемъ видѣ въ моихъ запискахъ. Я, какъ самоѣдъ, знаю однако же, что нельзя быть совершенно откровеннымъ съ самимъ собою, даже когда живешь въ себѣ, такъ-сказать, на-распашку. Иногда, ни съ того ни съ сего, приходятъ мысли до того низкія и подлыя, что при первомъ своемъ появленіи изъ тайника души невольно бросаютъ въ краску,—иногда даже чувствуешь, какъ будто эти мысли не твои, а другого—самаго низкаго существа, живущаго въ тебѣ. Апостолъ Павелъ уже давно замѣтилъ, что не хочешь дѣлать зло, а дѣлаешь его нехотя. Великая правда! И еще чаще замѣчаемъ это на мысли: не хочешь мыслить мерзко, а мыслишь,—и бѣда, если въ началѣ не убережешься, не подмѣтишь самого себя и въ пору не остановишься.

Итакъ, я, какъ и другіе, не могу, при всемъ желаніи, выворотить свой внутренній бытъ наружу предъ собою, сдѣлать это начисто, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ. Въ прошедшемъ я, конечно, не могу предъ собою поручиться, что мое міровоззрѣніе въ такое-то время было именно то самое, какимъ оно мнѣ кажется теперь. Въ настоящемъ—не могу ругаться, чтобы мнѣ удалось схватить главную черту, главную